

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Ирины Ивановны Русиновой

«Лексика колдовства, знахарства русских мифологических текстов как особая идеографическая сфера: комплексное исследование»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык
(Пермь, 2022)

В диссертации Ирины Ивановны Русиновой представлено исследование лексики колдовства, знахарства, зафиксированной в русских мифологических текстах Пермского края. При этом автор избрал особый ракурс рассмотрения сложной, а главное — культурно значимой и важной подсистемы русского языка, который подчеркнут в формулировке *цели исследования* и «заключается в комплексной характеристике лексики, отражающей представления о людях со сверхъестественными свойствами и связанных с ними демонах в русских мифологических текстах, как культурно значимой идеографической сферы» (ДД, 9–10; АДД, 4). Цель видится оправданной, поскольку действительно комплексный подход описания выбранной подсистемы языка позволяет выявить высокую значимость для носителей традиционной культуры представлений о людях со сверхъестественными способностями, а описание моделей номинаций, анализ регулярных семантических связей, поиск и апробация методик изучения данной группы слов и других её особенностей репрезентируют национально и культурно обусловленную картину мира в отдельном регионе.

В число *задач* исследования включены создание фактологической базы номинаций, входящих в идеографическую сферу «Колдовство, знахарство», а также описание её типологического, семантического, структурного, семантико-мотивационного, ареального, лексикографического своеобразия. Каждой поставленной задаче соответствует отдельная глава текста диссертации.

Собственно *объект* исследования (общерусские и диалектные лексические единицы, отмеченные в русских мифологических текстах о людях со сверхъестественными свойствами, а также отражённые в диалектных словарях) и *предмет* исследования (типологические, семантико-мотивационные, структурно-семантические и ареальные особенности этих единиц) обладают такими свойствами, которые обеспечивают *актуальность* работы. Как положительный факт отметим региональный компонент данного исследования, который придаёт целостность работе. Именно такие рамки изучения сообразны подходу и качественным свойствам материала: представленные для анализа лексические единицы принадлежат по преимуществу локальной диалектной системе, которую следует изучать корректно и обстоятельно.

Исследования по традиционной культуре, использующие данные народной демонологии, достаточно востребованы в современной

лингвистике. Об этом свидетельствуют труды, которые И. И. Русинова называет в обзорной 1 главе своей работы. Кроме того, многозадачность, разноаспектность диссертационной работы потребовала от автора обращения к теоретическим постулатам структурной лингвистики, штудиям по антропоцентрическому подходу в изучении материала, семантико-мотивационным проблемам его описания, опирающимся на методические разработки Уральской и Московской этнолингвистических школ (работы Е. Л. Березович, М. Э. Рут, Н. И. и С. М. Толстых), а также к научным достижениям семантического и идеографического словарного дела (прежде всего, трудам Н. Ю. Шведовой, Л. Г. Бабенко, Ю. Д. Апресяна).

Отметим, что большой массив накопленных на сегодняшний день лингвистических работ трудно объять: никакой список исследований не может быть исчерпывающе полным, однако в диссертации представлена достойная библиография, состоящая из 421 позиции научных публикаций и 73 источников. Подчеркнём главное: публикации последних десятилетий содержат обращение к вопросам, связанным с изучением разных сторон мифологических номинаций. Однако работ обобщающего характера, где содержался бы комплексный, системный подход к анализируемой лексике, нет. Следовательно, разрабатываемая И. И. Русиновой тема отличается *новизной*, поскольку ведется *поиск и разработка новых методик анализа*, а подобные масштабные научные проекты в исследуемой области — единичные явления.

Представленная к рассмотрению диссертация включает введение, семь глав, заключение, перечень сокращений, библиографию и приложения, которые позволяют оценить трудоемкость и масштаб исследования: 4642 единицы идеографической сферы «Колдовство, знахарство», зафиксированных в русских мифологических текстах Пермского края, в описании учтено около 6000 лексико-семантических вариантов и около 2000 подобных единиц, функционирующих в мифологических текстах других русских регионов. Это без преувеличения огромный объём, подтверждающий достоверность полученных результатов.

Введение (с.7–27) имеет классическую композицию: в нём даётся характеристика объекта и предмета исследования, формулируются цель и задачи работы, представлены источники материала по Пермскому краю, а также по другим регионам России, включая словари, освещена степень разработанности темы диссертации, а также обосновывается выбор подходов и методов исследования, представлены актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, а также основные положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* (с. 28–112) автор определяет магистральную линию своего исследования как соответствующую комплексному подходу в изучении лексики колдовства, знахарства русских мифологических текстов, которые ещё не имели целостного лингвистического представления. Модель комплексного лингвистического описания номинаций из идеографической сферы «Колдовство, знахарство» предваряет история изучения мифологии,

включая лексику Пермского края, даётся развернутая характеристика материала, подчеркивается его культурно-историческая ценность, этнокультурная информативность, определяется исследовательская область и круг терминов, соотносимых с темой. Согласимся с мнением автора о необходимости дать более точную идентификацию изучаемому материалу. Предложенный термин — *лексика идеографической сферы «Колдовство, знахарство»* — действительно чётко обозначает объём изучаемого понятия, хотя представляется несколько громоздким, его другой рабочий вариант — *лексика колдовства, знахарства* — видится более удачным. Кроме того, автор уточняет и обосновывает использование в диссертации прочих терминологических тонкостей, которые сопряжены с целями и задачами исследования.

Далее в главе последовательно излагается модель описания исследуемых номинаций. Автор знакомит читателя с набором аспектов анализа материала, лапидарно определяет сущность каждого из них. Делает вывод, что совокупность аспектов и их последовательность представляют применяемую в работе методику анализа материала, называемую комплексное исследование. Каждая следующая глава (главы 2–7) представляет обстоятельное раскрытие сути каждого аспекта в изучении лексики колдовства, знахарства.

Так, **2 глава** (с. 113–201) посвящена типологическому аспекту. И. И. Русинова последовательно рассматривает номинации персонажей-людей и связанных с ними персонажей-демонов, отмеченных в мифологических текстах Пермского края. Автором проделана скрупулёзная работа не только по классификации мифологических персонажей, но и по выявлению комплекса дифференцирующих признаков, характеризующих каждого из них. Через определение свойств, способностей, функций, ипостасей, времени активации, мифологических мотивов, способов распознавания, оберегов от действия этих персонажей, их названий и имен отмечается несомненное наличие системности и типологического единства персонажей, что позволяет автору прийти к выводу о целостности пермской мифологической традиции и о её связях с традициями Русского Севера, Поволжья, Урала, Сибири, о сохранении и эволюции отдельных мотивов.

В **3 главе** (с. 202–274) лексика колдовства, знахарства рассматривается с идеографической точки зрения и логически встраивается в этнолингвистический исследовательский ракурс. Автором проделана грандиозная работа по анализу 6000 ЛСВ, результатом которого явилась достаточно объёмная идеографическая классификация, представленная в полном объёме в Приложении 2 и в «Этнодиалектном словаре мифологических рассказов Пермского края». Понятна сложность составления такой классификации, поскольку материал достаточно разнороден. Конечно, трудно найти общие основания для определения общих параметров. Следует признать, что обращение к системным (парадигматическим) отношениям, позволившим объединять изучаемые слова в группы, подгруппы и т.д. и дифференцировать их, — верное

направление в анализе материала. Не случайно, демонимы, колоративные номинации, названия камней выделены в отдельный раздел в тексте диссертации.

Поддерживаем выводы, к которым пришёл автор. Особо выделим возможность использования полученных данных в этнолингвистических исследованиях. Так, объём определённых групп (а он совершенно разный) свидетельствует 1) об особой роли субъекта действия в организации исследуемой идеографической сферы; 2) о важности людей со сверхъестественными свойствами в картине мира носителей традиционной культуры; 3) об особом внимании к физическому состоянию человека.

Эта классификация, без сомнения, может являться отправной точкой для подобных идеографических и, конечно же, этнолингвистических исследований по другим регионам. Даже в предварительном приближении при наложении на идеографическую классификацию И. И. Русиновой, например, материалов русских говоров Карелии наблюдаются не только сходство, но и различия в представлении сферы «Колдовство, знахарство». Отмечено несколько иное членение мифологического пространства: иная детализация его отдельных фрагментов, иной объём, иная актуализация отдельных признаков (цветовых, звуковых и проч.) субъектов и объектов идеографической сферы «Колдовство, знахарство» и т.д. Это очень важное замечание, лежащее в плоскости особой *практической значимости* предпринятого И. И. Русиновой исследования.

В *4 главе* (с. 275–373) описано семантико-мотивационное своеобразие слов, входящих в идеографическую сферу «Колдовство, знахарство». Внимание к внутренней форме позволило автору последовательно рассмотреть семантико-мотивационные особенности глагольной и именной лексики, определить закономерность, востребованность, продуктивность, частотность определённых семантических компонентов.

Интересны размышления о семантико-мотивационном потенциале неславянской по происхождению лексики. Так, вывод о финно-угорском генезисе слов с корнем *пух-* (*пуктосить, пуктарить, пухтить, пухтоса, пухтеры* и т.д.), а также выражения *пухлый час* (с. 298–299), имеющих мифологическую семантику, выглядит привлекательным, как и предположение о развитии модели *говорить* → *колдовать* на русской диалектной почве. Скорее всего, судя по географическим пометам в словарях, это влияние русских северо-восточных территорий, потому что в русских говорах Карелии — зоне непосредственных контактов русских с карелами, вепсами, саамами — такие материалы не фиксируются.

Без всякого сомнения, важными видятся материалы по семантико-мотивационному анализу фразеологизмов, обозначающих вызывание боли, болезни колдовством. Но думается, что не совсем естественна их локация в разделе, связанном с мотивационным своеобразием только именной лексики. Автор и сам замечает, «в данных единицах нет прямого значения именных компонентов» (с. 365). Хотя, следуя логике, в подпараграфе действительно

представлены наблюдения над семантикой, мотивацией, которая свойственна именной лексике в составе фразеологизма.

В некоторой степени вопрос об устойчивых сочетаниях, их семантике пересекается с поднятым в 5 главе вопросом об устойчивых смысловых комплексах.

Сама *5 глава* (с. 374–418) обращена к структурному аспекту описания лексики колдовства, знахарства. Осуществлены поиск и анализ устойчивых словообразовательных и синтаксических моделей лексических единиц исследуемой идеографической сферы. Автор отмечает, что при широком лексическом варьировании конструкции с изучаемыми лексемами строятся по определенным синтаксическим моделям и обладают устойчивостью смысла. Действительно, существует сложность в определении статуса определённых сочетаний слов, выявления степени спаянности компонентов, а потому предложенный термин — устойчивый смысловой комплекс — актуален, и должен использоваться прежде всего в лексикографической практике. И. И. Русинова тщательно описывает компонентный состав сочетаний, опять же обращает внимание на их мотивационные особенности, делает важные наблюдения этнолингвистического характера, выстраивает градацию средств воздействия на человека, среди которых особо выделяет роль вербального воздействия, которое может выражаться, как это ни парадоксально, например, в запрете на похвалу, поскольку сама похвала для деревенского социума — это своеобразное отступление от нормы. Такие особенности лексических единиц важно не только зафиксировать, но и интерпретировать, дать им соответствующую оценку, что и делает диссертант.

В *6 главе* (с. 419–482) рассмотрен ареальный аспект изучаемой мифологической лексики. Представлена фиксация наименований человека со сверхъестественными свойствами на семи картах. Анализ данных наглядно демонстрирует направления миграционных потоков при заселении Пермского края русскими, сохранение исследуемых слов в периферийных зонах этнокультурного приграничья. Учитываются ареальные особенности и при демонстрации разницы в распространении образов оборотничества людей, а также привязки слов с разными корневыми морфемами к тем или иным регионам Пермского края. Обращает внимание автор диссертации и на географическое соотнесение названий этнических чужаков с зонами контактов.

7 глава (с. 483–541) посвящена лексикографическому аспекту в описании лексики колдовства, знахарства. В целом данная глава диссертации — это часть фундаментального труда «Этнодиалектного словаря мифологических рассказов Пермского края» (2019; 832 с.) И. И. Русиновой, А. В. Черных, К. Э. Шумова, С. Ю. Королёвой, ответственным редактором которого является диссертант — И. И. Русинова. Это своеобразный итог представления лексики колдовства, знахарства русских мифологических текстов Пермского края.

Объём работы, проделанной коллективом и лично автором, ещё раз подтверждает серьёзность заявленных в диссертации целей и задач, внимательное отношение к материалу, описание которого выполнено на высоком лексикографическом уровне. Более того, следует констатировать, что в лексикографии появился лингвистический этнодиалектный словарь, где ключевым словом является слово *лингвистический*.

Разумеется, как и в любом словаре, возможны варианты комментирования, спорные утверждения. Так, несмотря на то, что словарь поражает своей масштабностью, всё же показалось, что авторы словаря в некоторых случаях несколько преувеличивают мифологическую составляющую отдельных номинаций и склонны включать в состав лексики идеографической сферы «Колдовство, знахарство» практически всё, что отмечено в текстах Пермского края. Только один пример. В иллюстрации — «*Семь порчей было посажено: {человек} ржёт по-лошадиному, визжит как свинья, кукарекает, мяукает, кудахчет, лает, воеет (Нытва)*» — фиксируются дескриптивные глаголы *визжать, кукарекать, мяукать, кудахтать, лаять, выть*, которым авторы приписывают определённые магические действия. По мнению авторов, они входят в подгруппу 3.4.2.2.2. *Производить/произвести звуки во время приступов «икоты»*. Чем эта группа отличается от той, которая обозначена номером 2.3.4.1. *Издавать/издать звуки во время приступов «икоты»*? Думается, что в данном случае наблюдаем обычное сравнение звуков, производимых человеком во время приступов кликушества, с криками животных. Кажется, обозначенные номинации не соответствуют принципам отбора единиц, принятым в словаре, ср. «*основными единицами описания стали те, которые называют главные структурные элементы такой системы, – мифологических персонажей и их действия*» (ДД, с. 485; ЭСМРПК, с. 32). Смущает, что большая часть таких глагольных номинаций в словарной статье имеет единственную иллюстрацию. Это же замечание (о правомерности попадания в словарь) касается звукоподражаний. Стоило ли такие материалы включать в словарь? Если эти слова имеют право на попадание в словарь, то почему в нём нет слов, обозначающих числовой код?

Впрочем, данное замечание ни в коей мере не снижает ценность словаря. Проведена большая и полезная работа. Впервые её итог представлен в такой полноте и глубине. Кроме того, словарь имеет своё оригинальное творческое лицо, которое определяется целым рядом моментов. Во-первых, он выделяется на фоне подобных этнолингвистических изданий своей направленностью: контаминацией лингвистического и энциклопедического толкования лексемы, а не персонажа, представленного в тексте. Во-вторых, концепция словаря имеет чёткий, продуманный характер, что позволило оптимально структурировать словарные статьи, выстраивая уникальность каждой по логично обоснованному стандарту. В-третьих, словарь отличает прочный научный фундамент, включающий обобщение опыта предшественников. Эрудиция авторов и их организатора — уважаемого диссертанта — позволила совместить в словаре как широкий

лингвистический фон, нашедший отражение во всех зонах словарной статьи, так и его несомненную культурную составляющую.

В *заключении* (с. 542–558) сделаны обобщения относительно универсальных и специфических особенностей тех явлений, которые составляют своеобразие комплексного исследования лексики колдовства, знахарства русских мифологических текстов Пермского края как особой идеографической сферы. Кроме того, диссертантом изложены наиболее значимые выводы, касающиеся типологического, идеографического, семантико-мотивационного, структурного, ареального и лексикографического подходов в анализе лексики. Это кажется уместным, поскольку визуализируются результаты проделанной работы, что позволяет объективно заключить: поставленные задачи и цель достигнуты.

Знакомство с новым исследованием всегда рождает вопросы для прояснения отдельных частных моментов. Нам интересно следующее.

1. Понятно, что этнолингвистический анализ лексики колдовства, знахарства русских мифологических текстов Пермского края кодирует прежде всего информацию об опасностях, исходящих от лиц со сверхъестественными свойствами. Ясно, что код «Здоровье» является наиболее востребованным, о чём свидетельствуют устойчивые мотивационные связи, проанализированные в тексте диссертации. А с какими другими идеографическими сферами, семантическими множествами (полями, ЛСГ и проч.) пересекается исследуемая идеографическая сфера «Колдовство, знахарство»? Как это подтверждается / не подтверждается на семантико-мотивационном уровне? Можно ли выстроить последовательность важности связи исследуемой сферы с другими семантическими множествами с точки зрения их ценности для социума?
2. Лексика, собранная и проанализированная в диссертации, собиралась в полевых условиях в течение 40 лет. Это приличный временной отрезок. Как показал материал, в данное семантическое множество входят лексемы, которые с точки зрения времени вхождения в систему языка можно назвать неологизмами (типа *бельмо, ветврач, гипнозёр, гипнозист, маг, магнит, медсестра, мистика, мяч, пфенхель, психоз, фиброма, фокус, хиромант, черепаха* и др.). Какой слой населения чаще обращается к таким номинациям (возраст, пол, соц. статус)? Можно ли рассматривать эти слова как окказиональное явление?
3. Можно ли предполагать динамические процессы в изменении состава исследуемой лексики? Насколько устойчиво ядро идеографической сферы «Колдовство, знахарство» в территориальном и временном плане? Какие лексемы фиксируются в памятниках письменности (например, «Словаре пермских памятников XVI — начала XVIII века», 1993–2001, сост. Е. Н. Полякова)?
4. В диссертационном сочинении описано распространение номинаций этнических чужаков, определены зоны их функционирования. Однако интересно и другое: как территориально распределяются заимствованные (финно-угорские, тюркские) слова с мифологической семантикой?

Насколько они приближены / отдалены от зон непосредственных контактов?

Эти вопросы и замечания, сделанные по ходу написания отзыва, адресованы диссертанту как состоявшемуся специалисту в области этнолингвистики, диалектной лексики, лексикографии, который способен строить предположения относительно развития исследуемой идеографической сферы — важной подсистемы русского языка в настоящем и прошлом.

Работа Ирины Ивановны Русиновой может быть оценена как глубокое уникальное исследование, которое займёт достойное место среди трудов по этнолингвистике, диалектной лексике, лексикографии. Оно имеет безусловную *практическую значимость*. Два прикладных направления — 1) возможность использования диссертационных выкладок для сравнения, образца описания лексики колдовства, знахарства по другим территориям и 2) опыт лексикографирования таких материалов — уже был дан выше. Согласимся с автором, который указывает на несомненную возможность использования материалов исследования и полученных результатов в вузовских курсах и спецкурсах по целому ряду дисциплин, при составлении лексических атласов, включая лингвистический атлас Пермского края. Однако отмечу ещё один прикладной аспект работы И. И. Русиновой, который касается сферы ономастики. Не тот, который рассмотрен в работе (он, безусловно, интересен и важен), а другой, связанный с отражением исследуемых слов в основах имен собственных. Прежде всего это касается лиц со сверхъестественными способностями и их объектов, на которые направлено действие разного рода колдунов. Так, по данным соц. сетей и телефонных книг, переписей в современной ономастической системе отмечены носители стандартных и нестандартных фамилий, как *Бесёнок*, *Бесёнков(а)*, *Говоруха*, *Говорухин(а)*, *Вештица*, *Вештицына*, *Ворожеин(а)*, *Еретников(а)*, *Ересников*, *Знахарев(а)*, *Икоткин(а)*, *Икотников(а)*, *Икотный*, *Кликушин(а)*, *Нечистик*, *Оборотнев*, *Оберегов(а)*, *Портунин(а)*, *Портунов(а)*, *Порченников*, *Чародеев(а)*, *Чертёнок*, *Чертёнков(а)*. Подобные индивидуализирующие номинации фиксируются и в памятниках письменности разных периодов. А следовательно, можно ставить вопрос о возможном времени вхождения названий лиц со сверхъестественными способностями или их жертв в лексическую систему языка, размышлять об особенностях мотивов номинации лиц в прошлом.

Теоретическая значимость исследования заключается в теоретическом обосновании понятия *лексика идеографической сферы «Колдовство, знахарство»*, определении границ и структуры этой сферы; разработке модели комплексного анализа лексики изучаемой идеографической сферы; выявлении семантико-мотивационного своеобразия лексических единиц колдовства, знахарства русских мифологических текстов; разработке принципов лексикографической обработки изучаемого семантического множества; решении вопроса о речевом / языковом / фразеологическом статусе сочетаний мифологической тематики.

Таким образом, *положения, выносимые на защиту, доказаны*, а поставленные *задачи выполнены*. Выводы диссертации вполне репрезентативно изложены в автореферате, 60 публикациях (в том числе в 22 журналах, рекомендованных Перечнем ВАК; из них четыре статьи в журналах, индексируемых в RSCI и статья в журнале, индексируемом WoS и Scopus), доложены на более чем 70 научных конференциях и конгрессах различных уровней.

Все достоинства представленного к защите исследования – успешность адаптации и экстраполяции методики анализа лексических единиц с семантикой колдовства, знахарства, гигантский объем материала, многоаспектность и трудоемкость проведенной работы, уверенное знание диссертантом научной литературы родственной тематики, готовность участвовать в научных дискуссиях, успешность осуществленного комплексного исследования лексики колдовства, знахарства как подсистемы русского языка, стремление привлечь во внимание все значимые элементы изучаемой системы, непротиворечивость и достоверность полученных выводов – должны быть учтены при оценке работы.

Диссертационное исследование на тему «Лексика колдовства, знахарства русских мифологических текстов как особая идеографическая сфера: комплексное исследование», по нашему мнению, отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям по специальности 10.02.01 – русский язык в соответствии с пунктами 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842. Автор – Ирина Ивановна Русинова – *заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук*.

Официальный оппонент —

доктор филологических наук (научная специальность 10.02.01 – русский язык), доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Кюршунова Ирина Алексеевна Кюршунова

05 сентября 2022 года

Адрес организации:

185910, Республика Карелия, Петрозаводск, проспект Ленина, 33

Контактные данные:

185016, Республика Карелия, Петрозаводск, проспект Лесной, дом 5, кв. 143
kiam24@mail.ru
+79116642461

Подпись
СПЕЦИАЛИСТ
ПО КАДРАМ
«05.09.2022»
ЗАБЕРЯЮ
Мышина Е.Ю.
200 г.